

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПСИХОТЕХНИК И ИСС

Е. К. Агеенкова

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Со времен Йозефа Брейера и Зигмунда Фрейда в психотерапии и психологическом консультировании сохраняется устойчивый интерес к скрытой части психики человека, обычно обозначаемой как бессознательное. В настоящее время помимо приемов, предложенных З. Фрейдом (метод свободных ассоциаций, анализ трансфера, анализ сновидений), все чаще используются новые подходы к пониманию поведения человека, обусловленного его неосознаваемыми установками. Среди них популярностью пользуются проективные методы, созданием которых занимаются многие практикующие психологи. Однако они не часто используются для познания одной из слабо осознаваемых личностных установок, обозначаемой как «жизненный сценарий».

В классическом психоанализе под проекцией понимается «процесс, посредством которого конкретные импульсы, желания, части себя или внутренние объекты локализируются воображением в каком-либо объекте, внешнем по отношению к индивиду» [Райкрофт 1995: 140]. Причем сам индивид может отрицать у себя наличие этих импульсов. В связи с этим они относятся к неосознаваемой части его психики, или бессознательному. Однако впоследствии создание множества диагностических приемов потребовало расширения понятия «проекция». Она стала пониматься не только как явление бессознательной сферы. Патриарх изучения проективного подхода Лоуренс Франк пишет, что проективный метод для изучения личности

«представляет собой стимульную ситуацию, запланированную или выбранную, потому, <...> что будет означать для личности, придающей или наделяющей ее собственным уникальным значением и организацией [Франк 2000: 78–79]. Леонид Бурлачук определяет ее как человеческую особенность, без которой нет собственного видения предметов и явлений окружающей действительности [Бурлачук 1997: 7]. При этом он выделяет наряду с «классической» проекцией также ряд других проекций. Так, при «атрибутивной» проекции субъект наделяет других людей собственными, осознаваемыми им, мотивами, потребностями, чувствами, и в соответствии с этим он понимает их поступки. «Аутическая» проекция – это детерминированность восприятия окружающего мира и людей актуальными потребностями человека. При «рационализированной» проекции субъект, осведомленный о наличии у себя нежелательных для себя черт личности или поведения, ищет им оправдание. «Комплементарная» проекция предполагает проекцию черт, дополнительных к тем, которыми субъект обладает в действительности. При использовании «проекции Панглоса и Кассандры» субъект внешне ведет себя не в соответствии со своими мотивами и стремлениями [Бурлачук 1997: 8–9].

Под «жизненным сценарием» Эрик Берн, который ввел это понятие, понимал создаваемый каждым человеком еще в детском возрасте проект будущей жизни: «Мы считаем сценарием то, что человек еще в детстве планирует совершить в будущем» [Берн 1992: 190].

Другие классики различных школ теории бессознательного также отмечали формирование людьми индивидуального проекта собственной жизни. Так, Альфред Адлер, определявший его как «жизненный план», писал, что в самые ранние дни детства «ребенок ошибочно и безрассудно создает себе образцы и модели, формирует свою цель и жизненный план, которому он сознательно или бессознательно следует» [Адлер 2002: 4]. Правда, А. Адлер не уделял этому аспекту человеческой личности достаточного внимания и не предложил ни диагностических приемов для его анализа, ни психотерапевтических подходов для его коррекции.

Формирование людьми такого жизненного «плана» или «сценария» можно обнаружить в личностной теории психосинтеза,

создателем которой является Роберто Ассаджоли. Он пишет, что «некоторые люди ясно видят свою цель с самого начала. Они способны составить четкое представление о том, кем они могут и хотят стать» [Ассаджоли 1994: 21]. При этом он считает, что в создании такого жизненного проекта важную роль играет выбор «идеального образа совершенной личности», жизнь которой является для человека примером и «объединяющим центром» при формировании собственной личности.

В современных личностных теориях, применяемых в консультативных и психотерапевтических практиках, имеется лишь небольшой круг диагностических приемов, которые могли бы использоваться для изучения жизненного сценария отдельных индивидов. Например, в клинике неврозов применяется непосредственный опрос пациента, направленный на изучение истории развития личности в процессе формирования системы ее жизненных отношений [Карвасарский 1980: 245–255]. Данный прием помогает уточнить невротический диагноз. Однако он не всегда способствует раскрытию принятых когда-то индивидом решений, которые направили его жизненный путь и способы его осуществления в определенное русло и которые на определенном этапе перестали адаптироваться к новым жизненным условиям и привели к формированию невротических симптомов.

Мы полагаем, что эти решения в большинстве своем забываются индивидом и поэтому относятся к сфере бессознательного. В связи с этим более надежный метод выявления скрытых сфер психики – изучение символов, посредством которого они себя выражают. Наиболее развернутую методологию изучения «символической жизни бессознательного» представил в своей аналитической теории личности Карл Густав Юнг [Юнг 2003]. Он предложил использовать в психологической практике для изучения жизненного сценария мифологические сюжеты, в которых истории жизни героев совпадают с жизненными планами индивидов. Данный прием использовал также Э. Берн, который писал: «Одну из целей сценарного анализа мы видим в соотнесении жизненного плана пациента с грандиозной историей развития человеческой психологии <...> Мы исходим из необходимости искать именно тот миф или

ту волшебную сказку, которой следует пациент» [Берн 1992: 186]. На этот аспект указывал и Ханс Дикманн, который писал, что многие люди следуют в своей жизни сказочным сюжетам, что часто люди, не замечая этого, разыгрывают в своей жизни настоящие сказочные мотивы [Дикманн 2000: 87].

К. Г. Юнг полагал, что оптимальный путь становления личности человека (иначе, в терминологии К. Г. Юнга – «процесс индивидуации») и, соответственно, процесса проживания его собственной жизни отражен в «мифе о герое» или в его «сниженном» варианте – «волшебной сказке». Мифологический герой способен выйти из мира повседневности, достойно справиться с встречающимися препятствиями и опасностями, расправиться с темными силами, получить поддержку от могущественных и мудрых покровителей и стать способным брать на себя ответственность за свои поступки, за своих близких и соплеменников [Юнг 1997].

При этом представители аналитической психологии осуществляют психотерапевтический процесс путем поиска в культурном наследии мифологического паттерна, соответствующего жизненным принципам клиента. Например, Джеймс Уайли для понимания мужской сексуальности использовал миф о Приапе [Уайли 1996].

В наших исследованиях был применен другой подход использования мифа для понимания жизненного сценария. Этот подход был впервые описан Станиславом Некрасовым и Игорем Возилкиным. Они предлагали своим пациентам самостоятельно придумать сказку, которую они затем подвергали анализу с использованием психоаналитической символики, позволявшей понимать сексуальное поведение женщин [Некрасов, Возилкин 1991]. Данный подход для исследования жизненных сценариев с помощью индивидуальных сказок был использован рядом других исследователей [Куимов 2013].

Наши исследования показали, что персональные сказки, сочиненные самими анализантами, содержат в себе гораздо больше возможностей для понимания жизненных сценариев, чем те, которые были указаны данными авторами. Так, задачами нашей первой работы, осуществленной совместно с Ю. А. Фондо, являлись: 1) сравнительный анализ сюжетов персональных сказок и истории жизни их сочинителя; 2) выявление основных сюжетных линий персональных

сказок; 3) выявление степени устойчивости основных сюжетных линий персональных сказок в течение одного года. Теоретическим основанием создания данного подхода для анализа жизненного сценария послужила личностная теория К. Г. Юнга [Агеенкова, Фондо 2004]. Мы исходим из того, что субъект, сочиняющий свою персональную сказку, проецирует свой собственный жизненный сценарий на историю жизни главного героя в сказке.

При группировании сочиненных сказок и выявлении связанных с ними жизненных сценариев сочинителей обнаружены следующие шесть наиболее значимых элементов поведения главного персонажа, которые и составили основу проективной методики «Жизненный сценарий в сказочном сюжете».

1. Оценка главного персонажа или себя: а) Я – о'кей; б) Я – не о'кей (согласно определению Э. Берна).

2. Наличие испытаний: а) испытания присутствуют, и главный персонаж идет им навстречу; б) испытаний нет или главный персонаж уклоняется от испытаний.

3. Взаимодействие с противником: а) главный персонаж встречает противника и вступает в борьбу с ним; б) противника нет или он уклоняется от борьбы с ним.

4. В случае вступления в борьбу с противником – отношение к помощи: а) главный персонаж опирается только на свои силы; б) принимает помощь других, надеется на чудо, талисман или удачу.

5. Достижение благ: а) главный персонаж приобретает блага или признание; б) блага не достигает или отказывается от них.

6. Оценка других (кроме явного противника или покровителя): а) вы – о'кей; б) вы – не о'кей; в) вас нет.

В результате выделились восемь групп сказок со сходными линиями поведения главных персонажей. Эти группы являются ключами для понимания жизненных сценариев их сочинителей, которые обозначены в виде следующих девизов: «Я хороший, поэтому достоин блага», «Все могло бы закончиться хорошо, если бы я не...», «Я мог бы сделать что-либо, но мне это не надо», «И вечный бой, покой нам только снится», «Достижение благодаря борьбе и победе», «Я хочу жить в красивом мире с прекрасными людьми», «Нет в жизни счастья», «Если встанешь на моем пути, я тебя уничтожу».

Причиной развития невротических расстройств К. Г. Юнг видит в отказе личности от индивидуации. Поэтому в персональной сказке невротика (т. е. в его жизненном сценарии) будут отсутствовать те или иные этапы пути главного героя. В связи с этим среди выделенных нами восьми выше перечисленных групп современных жизненных мифов имеется только один («Достижение благодаря борьбе и победе»), сюжет которого включает перипетии пути героя, соответствующие обычным жизненным трудностям и способам их решения. И этот путь характерен для зрелых людей. Остальные жизненные мифы при наличии тяжелых обстоятельств жизни могут привести к неспособности разрешить их или к невротическим формам реагирования на них. В связи с этим при психологическом консультировании обнаружение невротического жизненного сценария может способствовать поиску совместно с клиентом адекватного решения проблемы путем понимания им своей роли в формировании данной проблемы.

Выявление жизненных сценариев с помощью анализа сюжетов и главных действующих субъектов персональных сказок можно проводить, используя не только юнгианский подход, но и другие личностные теории. Так, в любой персональной сказке можно обнаружить компоненты личностной теории А. Адлера (например, жизненный план, жизненные задачи, комплексы неполноценности, деформации жизненного стиля, невротические или не невротические формы поведения), З. Фрейда (например, ид, доминирующие направления супер-эго, эдипальные и кастрационные комплексы, регрессии на ранние стадии психосексуального развития). Многие персональные сказки укладываются в личностные теории гуманистической и экзистенциальной психологии, а также в другие личностные теории.

Другой разработкой подхода к анализу жизненного сценария является авторская методика «История жизни несуществующего животного», основой которой послужил рисуночный тест «Несуществующее животное» (НЖ), предложенный Майей Друкаревич [Романова 2002: 230–240]. С самого начала работы с этой методикой было обращено внимание на то, что ее диагностический потенциал гораздо шире того, что представлен в ее инструкции, и он выходит

за пределы интерпретации графических составляющих рисунка. Испытуемые явно индивидуализировали то животное, которое изображали на бумаге, оно для них становилось неким существом, наделенным своей личной историей.

В результате была составлена схема интервью, включающая следующие вопросы об особенностях жизни «несуществующего животного» (НЖ):

1. Где обитает это НЖ?
2. Как появилось на свет (родилось) НЖ? Были ли у него родители?
3. Сколько лет живет НЖ по земным меркам?
4. Почему НЖ столько лет живет при родителях (если они были)?
5. Чему научила мать НЖ?
6. Чему научил отец НЖ?
7. Много ли таких животных живет на Земле (на другой планете или в другом месте – ориентироваться на ответ на вопрос №1)?
8. Какую функцию НЖ (или животные этого вида, если оно проживает не в единственном виде) выполняет на Земле (или в другом месте обитания)?
9. Составляют ли эти животные какое-нибудь сообщество (если НЖ живет не в единственном экземпляре)? Если нет, то входит ли НЖ в сообщество других животных или людей?
10. Если сообщество есть, то какое место в данном сообществе занимает НЖ? Если сообщества нет, то как к НЖ относятся его сородичи или другие животные, или люди?
11. Если сообщество есть, то кто является его вожаком или другим руководителем? Если такой вожак есть, то какими качествами он обладает, или благодаря каким качествам он становится или избирается вожаком?
12. Какие складываются взаимоотношения между вожаком (если он есть) и НЖ?
13. Какие действия для себя НЖ считает неприемлемыми?
14. Как поступит это НЖ, если вожак будет требовать от него действий, которые он считает неприемлемыми для себя? Как оно поступит, если эти требования будет предъявлять к нему его сообщество?

15. С кем дружит НЖ? Чем нравятся ему его друзья? Чем не нравятся? Ходят ли они друг к другу в гости? Предпочитают ли друзья НЖ приходить к нему в гости, или НЖ предпочитает ходить к кому-то в гости? Чем они занимаются, когда бывают вместе?

16. Если ответ на вопрос №2 был неясным, то уточнить, являются ли эти НЖ однополыми или двуполыми? Если двуполые, то создают ли они семью? Собирается ли НЖ создать семью?

17. Как эти НЖ создают семью или находят себе пару?

18. Как проходит процесс ухаживания? Как ухаживает «девушка» НЖ за своим избранным? Как ухаживает «юноша» НЖ за своей избранницей?

19. Есть ли у НЖ домик или иное жилище?

20. Опишите жилье НЖ. Что имеется в этом жилье? Если жилья нет, то можно предложить описать территорию проживания или место ночевки.

21. Есть ли враги у этого животного? Опишите этого врага.

22. Есть ли такой враг (агрессор, хищник), который может его убить или съесть? Если таковых нет, то введите в рассказ такое существо, например, оно пришло с другой территории, прилетело с другой планеты и т. п. Опишите это существо.

23. Если этот враг нападет на НЖ, то что оно будет делать? Что будет оно чувствовать в этой ситуации? Обратите внимание на то, обращается ли НЖ за помощью к другим животным или справляется с этой ситуацией самостоятельно.

24. Какие взаимоотношения у данного НЖ или у животных данного вида с людьми? Вопрос не обязателен, если он (они) живет на другой планете и про людей ничего не знает.

25. Как НЖ относится к людям? Если оно живет на другой планете, то можно спросить: «Если бы оно узнало о людях, то как к ним стало бы относиться?» Что нравится НЖ в людях? Что не нравится?

26. Как люди относятся к этим животным? Или: как люди стали бы относиться к ним, если узнали об их существовании?

27. Если бы НЖ знало историю людей и их культуру, кого бы оно могло назвать самым лучшим человеком из исторически известных людей, героев книг или кино?

28. Какие качества нравятся НЖ в этом человеке?

29. Если бы НЖ знало историю людей и их культуру, кого бы оно могло назвать самым плохим человеком из исторически известных людей, героев книг или кино?

30. Какие качества особо не нравятся НЖ в этом человеке?

Спровоцированный данными вопросами рассказ о НЖ позволяет выявить несколько блоков проекций, отражающих следующие жизненные установки их сочинителей: а) особенности взаимоотношений с родителями; б) социальную зрелость и особенности взаимоотношения со значимым социальным окружением; в) особенности узкого круга общения, особенности взаимоотношения с друзьями; г) отношение к браку и особенности взаимоотношений с противоположным полом; д) иерархия интересов; е) особенности поведения в ситуации внешней угрозы, способность противостоять агрессии и контролировать страхи; ж) отношение к людям в целом; з) Я-идеальное, иерархия ценностей.

Использование данного диагностического приема не всегда указывает на стопроцентное совпадение интерпретации с аутентичными личностными особенностями исследуемых. Это обусловлено или неклассическими видами проекций, или приписыванием «несуществующему животному» неких штампов поведения, наблюдаемых в повседневной жизни и воспринятых из литературных произведений и кино. При этом при работе с данной методикой был обнаружен еще один вид проекции, которая была обозначена нами как «контрарная проекция». Она наблюдается в случае, когда индивид приписывал объекту черты своих противников, недругов или носителей непримлемых для его личности качеств. Она достаточно часто встречается в художественной литературе, например, в образах Чичикова, Хлестакова, «Скупого рыцаря», «Человека в футляре», леди Макбет и др., которые явно не соответствовали личностям их создателей – Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, А. П. Чехова, В. Шекспира.

Несомненно, диагностические возможности проективных методик очень высоки. Однако большинство из них не стандартизированы и, в связи с этим, серьезно снижена объективность интерпретаций результатов исследований, полученных с их помощью. Искажение оценок, полученных проективными методами, могут быть связаны со следующим рядом явлений психологического свойства.

1. Существуют разные виды проекций.

2. Нельзя сбрасывать со счетов такое явление, как проекция самого психолога-диагноста, который может приписать индивиду свои проблемы, мотивы или социальные установки. Наиболее универсальным приемом решения проблемы профессиональной проекции является подключение в процесс интерпретации самого испытуемого, который способен не только на чувственном уровне прокомментировать стимульный материал и свои ответы на него, но и по механизму инсайта прийти к осознанию и описанию своих личностных черт и состояний. По-видимому, необходимо признать наличие двух традиционно сложившихся подходов в проективной психодиагностике – «объективного», в котором стандартизируется как сама процедура исследования, так и анализ результатов исследования, и «субъективного», посредством которого осуществляется попытка понять внутренний мир человека, переживаемые аспекты его психического существования.

3. Анна Анастаси указывает, что большинство проективных методик являются скорее клиническими инструментами, которые в руках опытного клинициста могут служить дополнительным качественным средством интервьюирования клиентов и пациентов. Их ценность как клинических инструментов пропорциональна квалификации клинициста и не может оцениваться независимо от конкретного пользователя [Анастаси, Урбина 2007: 482].

4. В отличие от опросных методов психодиагностики, при работе с которыми индивид в большей степени способен оценить себя и свое поведение с позиций устоявшихся социальных норм, при проективном тестировании он будет проявлять свои актуальные чувства и социальные установки, которые на данный момент могут далеко не соответствовать его обычному состоянию и поведению. Для того, чтобы нивелировать это явление при психологическом консультировании, в психотерапии применяются специфические приемы. Например, чтобы разобраться в причинах внутриличностных конфликтов клиента, побудивших обратиться за психологической помощью, его «погружают» в конфликтную ситуацию. Ему предлагают вспомнить во всех подробностях обстановку, поведение свое и задействованных в ней лиц, пережить снова свои эмоции,

возникшие в тот период. Это повышает вероятность того, что в данном случае индивид будет при тестировании проявлять свое состояние, что и отразится на его результатах. Исследователь при этом будет в большей степени убежден, что диагностирует необходимое состояние, а не то, которое обусловлено случайными жизненными обстоятельствами.

5. Препятствием для постановки полноценного диагноза с использованием проективных методик может послужить увлеченность психолога какой-нибудь одной личностной теорией, которая, как он полагает, может объяснить все феномены психологического бытия человека. Объяснение многообразия проявлений человеческой жизни только одной теорией ограничивает возможности ее понимания и часто объясняет проблемы индивида весьма некорректно.

Самое важное в проективной психодиагностике – интерпретация результатов исследования. Точность интерпретации данных исследования будет расти при учете следующих факторов.

Во-первых, интерпретация должна осуществляться в рамках психологической проблемы, которая переживается на данный момент индивидом и по поводу которой он погружен в соответствующие мысли и чувства. Таким образом, на момент тестирования в его психической деятельности будут актуализированы определенные мысли, поступки, чувства из множества тех, которые он может проявлять.

Во-вторых, часто в результаты тестирования могут включаться весьма случайные факторы внешней среды – социальные, предметные или природные, вызывающие ряд ассоциаций и переживаний, не соответствующие сложившейся форме психического отражения действительности.

В-третьих, чтобы нивелировать влияние предыдущих факторов, необходимо при интерпретации постоянно взаимодействовать с исследуемым, опрашивая его о возникающих ассоциациях, мыслях, чувствах, эмоциях. В связи с этим более точная картина его внутреннего мира будет раскрываться в его словах и оценках, нежели в характеристиках, даваемых в интерпретационных приложениях к тестам.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеенкова, Фондо 2004 – *Агеенкова Е. К., Фондо Ю. А.* Некоторые аспекты взаимосвязи современных жизненных сценариев с сюжетами персональных сказок // Вестник БГУ. Серия 3. 2004. № 3. С. 50–55.
- Адлер 2002 – *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей / Пер. с нем. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.
- Анастаси, Урбина 2007 – *Анастаси А., Урбина С.* Психологическое тестирование / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2007.
- Ассаджоли 1994 – *Ассаджоли Р.* Психосинтез / Пер. с англ. М.: REFL-book, 1994.
- Берн 1992 – *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. / Пер. с англ. Минск: Прамеб, 1992.
- Бурлачук 1997 – *Бурлачук Л. Ф.* Введение в проективную психологию. Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1997.
- Дикманн 2000 – *Дикманн Х.* Юнгианский анализ волшебных сказок / Пер. с нем. СПб.: Академический проект, 2000.
- Карвасарский 1980 – *Карвасарский Б. Д.* Неврозы. М.: Медицина, 1980.
- Куимов 2013 – *Куимов Д. К.* Применения методики анализа индивидуального мифа с участием нескольких испытуемых // Психология, социология и педагогика. 2013. № 2 // [URL]: <http://psychology.spauka.ru/2013/02/1723> (дата обращения: 19.11.2016).
- Некрасов, Возилкин 1991 – *Некрасов С. Н., Возилкин И. В.* Жизненные сценарии женщин и сексуальность. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991.
- Райкрофт 1995 – *Райкрофт Ч.* Критический словарь психоанализа / Пер. с англ. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995.
- Романова 2002 – *Романова Е. С.* Графические методы в практической психологии. СПб.: Речь, 2002.
- Уайли 1996 – *Уайли Дж.* В поисках фаллоса: Приап и Инфляция Мужского / Пер. с англ. СПб.: Б.С.К., 1999.
- Франк 2000 – *Франк Л. К.* Проективные методы изучения личности // Проективная психология / Под ред. Р. Римской и И. Кириллова. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 68–83.

Юнг 1997 – Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / Пер. с англ. М., Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1997.
Юнг 2003 – Юнг К. Г. Символическая жизнь / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003.

Ю. Ю. Завгородний

СИНХРОНИСТИЧНОСТЬ И ПОТОКОВОЕ СОСТОЯНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПРОСТРАНСТВОМ)*

Вступительные замечания

Предлагаемый текст представляет собой попытку осмыслить события, происходящие в обычной жизни, которые, к глубокому сожалению, очень часто остаются без должного внимания, как бы в символической тени. Прежде всего речь идет о таком явлении, как синхронистичность. Проведенные нами локальные опросы коллег-гуманитариев и знакомых с высшим образованием показали, что синхронистичность (синхронность) – это не чисто теоретическое и кабинетное явление. Она встречается в повседневной жизни. Как правило, под синхронистичностью понимают мистическое или случайное совпадение, что-то нерациональное и магическое, то, что как бы не «отпускает».

В академической науке неологизм «синхронистичность» появляется в первой половине XX в. благодаря К. Г. Юнгу, который, как и другие ученые (например, П. Каммерер, В. Паули), обратил

* Искренне признателен за помощь и поддержку в процессе работы над замыслом и текстом статьи Алексею Алейникову (Киев), Виталию Ляху (Киев), Николаю Карпицкому (Харьков), а также Александру и Людмиле Бабцам (Запорожье).

© Ю. Ю. Завгородний